

Н. Н. Запольская

«УСЕЧЕННЫЕ» ПРИЧАСТИЯ В РУССКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ XVIII в.

Единый русский национальный литературный язык, становление норм которого относится к XVIII в., явился наследником одновременно двух языковых систем — русской и церковнославянской. В тех случаях, когда эти системы были противопоставлены, в литературном языке нового типа происходила контаминация гетерогенных элементов. Анализ подобных процессов имеет принципиальное значение для изучения формирования русского национального литературного языка. Контаминированную систему представляла собой и система причастий, в истории развития которой симптоматичную роль играли «усеченные» формы.

Наиболее обстоятельный анализ «усеченных» причастий и прилагательных дан в работах Г. О. Винокура, посвященных истории русского литературного языка. Так, рассматривая систему «поэтических вольностей», содержащуюся в «Новом и кратком способе к сложению российских стихов» В. К. Тредиаковского, Г. О. Винокур в работе «Русский литературный язык в первой половине XVIII в.» особо подчеркнул, что «одной из важнейших „вольностей“... является так называемое „усечение“ прилагательных и причастий, о котором Тредиаковский *глухо* (курсив мой. — Н. З.) говорит только следующее: „Не для чего, кажется, упоминать о прилагательных сокращенных, которые понеже и в прозе часто употребляются, то в стихах могут употреблены быть, ежели надобно будет, и чаще“»¹. В статье «Наследство XVIII в. в стихотворном языке Пушкина» автор вновь обратил внимание на приведенную выше цитату из сочинения В. К. Тредиаковского, отметив, что «Тредиаковский, перечисляя в упоминавшемся трактате разные виды «вольностей», *между прочим* (курсив мой. — Н. З.) писал» (В., 346) и об «усеченных» формах.

Г. О. Винокур высказал предположение о том, что «усеченные» прилагательные и причастия могли быть либо церковнославянскими формами («старыми именными формами»), т. е. архаизмами, заимствуемыми из церковнославянской традиции, либо искусственными формами, которые «были вновь созданы по подобию старых именных форм, путем отсечения местоименного окончания у так называемых полных форм» (В., 347), в рамках русского литературного языка XVIII в. «В ряде случаев, — по мнению исследователя, — новая, «усеченная» форма действительно ничем не отличалась от старой именной («краткой»), например, у Тредиаковского: *православна вера*, *убоявшаяся громка крика*, *начну на флейте стихи печальны*, *небу Росийску*» (В., 347). Однако не всегда «усеченные» формы «полностью совпадали в своем строении» со старыми именными формами и «очень значительно отличались от форм именного склонения по своему грамматическому содержанию» (В., 346), что наиболее отчетливо обнаруживается в сфере причастий: 1) «в причастиях прошедшего времени страдательного залога, образованных посредством суффикса *-н*, подлинные именные формы не удваивают этого *н* (например, *вознесен-*

¹ Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959, с. 129 (далее ссылки на это издание приводятся в тексте в сокращении: В. с указанием страницы).

ная — вознесена), но «усеченные» формы обычно его удваивают по примеру полных» (В., 347—348); 2) «„усечения“ не имеют своего особого полного склонения и употребляются лишь в тех падежах, где они слогом короче членных форм, например невозможен поэтому усеченный предл. ед. м. р.» (В., 129); 3) теоретики XVIII в. считали атрибутивное употребление этих форм «принадлежностью «славянского» языка.., но на самом деле «усечения»... по своему значению и роли в предложении совпадают не с нечленными, а с членными (полными) формами» (там же); 4) «усеченные» формы «не подчиняются общим законам ударения, действующим в пределах нечленных форм» (там же). В связи с этим Г. О. Винокур подчеркивал, что вопрос о происхождении «усеченных» форм должен быть исследован отдельно.

В настоящей статье мы остановимся на вопросах, касающихся генезиса, структуры и функционирования «усеченных» причастий, а также причин широкого распространения их в русском литературном языке XVIII в.

Сам характер поставленных проблем определяет материал, на котором построено наше исследование. Для того чтобы отнести или не отнести данные формы к системе церковнославянского языка, необходимо обратиться к грамматическим сочинениям, описывавшим нормы церковнославянского языка в поздний период его функционирования, например к Грамматике М. Смотрицкого, изданной в Москве в 1648 г., и грамматике канонических текстов, составленной С. К. Буличем, а также к материалам книжной практики церковнославянского языка конца XVII — начала XVIII в.

Церковнославянский язык этого времени не отличался стабильностью. «Чистый» церковнославянский, нормы которого были зафиксированы в Грамматике М. Смотрицкого, воспринимался в XVII в. как идеал литературного языка: им владели лишь те, кто был «учен грамматического разума». Поэтому широкое распространение в этот период получил «плохой» (А. И. Соболевский)², «вульгарно-литературный» (Н. Н. Дурново)³, «смешанный» (В. В. Виноградов)⁴ или «гибридный» (Н. И. Толстой)⁵ церковнославянский язык как особая разновидность литературного языка.

Книжники, недостаточно свободно владевшие нормами «чистого» церковнославянского языка и стремившиеся к созданию текста на «книжном» языке, писали на «гибридном» церковнославянском, воспринимая его как допустимое отклонение от «чистого». Таким образом, «чистый» и «гибридный» варианты церковнославянского языка функционально объединялись в их языковом сознании. Грамматическая неправильность такого рода сочинений не мешала их распространению: они могли вступать в отношения преемственности и образовывать свою языковую традицию.

Важно отметить, что в начале XVIII в. на «гибридный» церковнославянский язык (как русифицированный вариант) могли ориентироваться и «ученые» книжники, прежде всего выходцы из Юго-Западной Руси. Они воспринимали «гибридный» церковнославянский язык

² См.: Соболевский А. И. История русского литературного языка. Л., 1980, с. 106

³ См.: Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969, с. 34.

⁴ См.: Виноградов В. В. Избранные работы. История русского литературного языка. М., 1978, с. 34.

⁵ См.: Толстой Н. И. Взаимоотношение локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода (вторая половина XVI—XVII в.). — В кн.: Славянское языковедение. Доклады советской делегации. V Международный съезд славистов. М., 1963, с. 234.

как явное «упрощение» «чистого» церковнославянского и, следовательно, как реальный путь к созданию «простого» литературного языка (аналога «простой мове»). В этой связи показательны, в частности, «Слова и речи» Ф. Прокоповича (петербургского периода), написанные на «простом славянском языке», обстоятельный анализ которых представлен в статье Л. Л. Кутиной⁶.

Таким образом, при решении проблемы генезиса «усеченных» причастий следует учитывать сочинения, написанные на «чистом» и «гибридном» церковнославянском языке. На «чистом» церковнославянском языке как на языке ученой книжности была написана, в частности, обширная панегирическая литература, оказавшая непосредственное влияние на произведения «высокого стиля» XVIII в.: вирши⁷ С. Полоцкого, С. Медведева, К. Истомина. К сочинениям на «гибридном» церковнославянском языке, в которых отразилось плохое знание норм, относились, например, «Римские деяния» — один из наиболее популярных сборников повестей, переведенных с польского языка.

В качестве источников для характеристики «усеченных» причастий в русском литературном языке XVIII в. нами использованы литературные произведения нормализаторов нового литературного языка В. К. Тредиаковского («Езда в остров любви», 1730 и «Тилемахида», 1766) и М. В. Ломоносова (оды 1747—1759 гг.), а также грамматические сочинения исследуемого периода («Российская грамматика» М. В. Ломоносова и «Российская грамматика» А. А. Барсова).

Основываясь на указанном материале, проанализируем те признаки, которые, по мнению Г. О. Винокура, свидетельствуют об «искусственности» данных форм.

Первый из рассматриваемых признаков касается словообразования причастий: Г. О. Винокур утверждал, что «усеченные» причастия как «искусственные» образования были противопоставлены «подлинным» кратким страдательным причастиям прошедшего времени по характеру словообразовательного форманта: *-нн-* / *-н-* (при этом «подлинными» полными формами он называл формы с суффиксом *-нн-*).

В текстах, написанных на русском («некнижном») языке краткие и полные причастия этого словообразовательного типа имели суффикс *-н-*. Согласно же орфографической норме церковнославянского языка краткие и полные страдательные причастия прошедшего времени помимо суффикса *-н-* могли получать суффикс *-нн-*. С. К. Булич, приводя примеры из канонических текстов (*объщанна, оправданны, разоренный* и т. п.), особо отмечал, что «причастия прошедшие страдательного залога кроме обычных старославянских образований с суфф. *-енъ, -ена, -ено* и *-нъ, -на, -но* представляют также довольно часто новообразования с суфф. *-енный, -нный*, чуждые ст.-сл. ... Встречаются рядом и сложные и простые формы»⁸. Исходя из материалов исследованных нами текстов, также можно заключить, что в книжной практике церковнославянского языка краткие причастия этого словообразовательного типа имели два вида суффиксов, например: а) «чистый» цсл. яз. (Р.с.п.): *о́новленна* (110), *покоренна* (118), *рожденны* (127), *храненна* (188) / *изображены* (108), *написаны* (108), *положены* (108); б) «гибридный» цсл. яз. (Р.д.): *повеленно* (42), *испытаны* (62) / *слышана* (172), *виданы* (255), *измерены* (258).

⁶ См.: Кутина Л. Л. Феофан Прокопович. Слова и речи. Проблема языкового типа. — В кн.: Язык русских писателей XVIII века. Л., 1981.

⁷ Список сокращенных обозначений источников см. в конце статьи.

⁸ Булич С. К. Церковнославянские элементы в современном литературном и народном русском языке, ч. 1. Спб., 1893, с. 380, 383.

Применительно к русскому литературному языку XVIII в. дифференциация «усеченных» и «кратких» форм данных причастий может быть проведена только на основе комплекса признаков: словообразовательных, морфологических и синтаксических. С точки зрения словообразования следует лишь констатировать, что в литературном языке XVIII в. «неполные» страдательные причастия прошедшего времени могли быть образованы по двум моделям: с суф. *-нн-* (маркированная церковнославянская модель), с суф. *-н-* (нейтральная модель). Ср., например, а) Трд. Езда, стихи: *изгнанны* (17), *удиненны* (30), *смягченно* (120) / *украшены* (17), *посвящены* (72), *сплетены* (72); б) Трд. Тил.: *возвращенны* (498), *лишенна* (505), *начертанна* (588) / *исполнены* (31), *учреждены* (141), *удержаны* (499); в) Лом. оды: *ободренны* (206), *рожденна* (564) / *обновлена* (632), *возвращено* (632).

Как морфологическую особенность, свидетельствующую об искусственном характере «усеченных» причастий, Г. О. Винокур отмечал их «неполное» склонение: они употреблялись в им.-вин., род., дат. п. ед. ч. и им.-вин. п. мн. ч. всех трех родов. Так как «старое именное склонение прилагательных в русском языке было утрачено» (В., 346), то возникает вопрос, была ли в церковнославянском языке позднего периода реально представлена «полная» система склонения кратких прилагательных (причастий).

Канонические тексты показывают наличие «неполной» системы склонения: в ед. ч. краткие причастия употреблялись в им.-вин., род. и дат. п. всех родов, а во мн. ч. — в им.-вин. п. М. Смотрицкий, различая «деепричастия» и «усеченные» причастия, приводил в парадигмах причастия в качестве образцов формы род., дат. п. ед. ч. м. и ср. р.; вин. п. ед. ч. м. и ж. р.; вин. п. мн. ч. всех родов. В этих же падежах употреблены причастия в анализированных нами сочинениях XVII в.

Следовательно, по признаку «неполноты» система склонения «усеченных» причастий совпадала с системой склонения кратких причастий церковнославянского языка. Отсутствие «особой полной системы склонения» «усеченных» форм не может служить доказательством их «искусственности» и объясняется не требованиями поэтического языка XVIII в. (использовать «усеченные» формы только в тех падежах, где они слогом короче полных форм), а тенденцией замещения кратких форм полными в указанных выше позициях. Эта тенденция осуществлялась в рамках церковнославянского языка и нашла отражение в русском литературном языке XVIII в.

Однако в самом флективном наборе система склонения «усеченных» причастий отличалась от системы склонения кратких причастий церковнославянского языка. Отклонения наблюдались в сфере действительных причастий в следующих грамматических позициях (ГП): а) при существительных в им. п. ед. ч. ж. р.; б) при существительных в им. п. мн. ч. всех родов.

В грамматической позиции при сущ. в им. п. ед. ч. ж. р. этимологически закономерной была флексия *-и*, представлявшая собой один из специфических падежно-родовых формантов, характеризовавших систему склонения кратких действительных причастий. Данная флексия указана как нормативная для «деепричастий» действительного залога ед. ч. ж. р. в Грамматике М. Смотрицкого и представлена в канонических текстах в формах кратких причастий им. п. ед. ч. ж. р. В рукописных грамматических сочинениях, широко известных в XVII в., помимо форм с флексией *-и* могли фиксироваться формы с флексией *-а*. Так, в грамматическом трактате «О множестве и о единстве» фор-

мы с флексией *-а* представлены как допустимые варианты: «...прилучает же ся сиа рѣчь... и к женскому имени, сие *алчуща* она, у женскаго имени в прилучениих поставляй ю а не *икъ*, сие: *алчущю* ону, *алчуща* она ... женскаго имени единственная рѣчь»⁹.

В грамматической позиции при сущ. в им. п. мн. ч. всех родов «деепричастия» действительного залога по нормам Грамматики М. Смотрицкого сохраняли различие по родам, например *творяще*, *творяща*, *творяща*. В канонических текстах, по наблюдениям С. К. Булича, проявлялась тенденция к объединению в пределах множественного числа форм всех родов, заключавшаяся в экспансии исконной флексии м. р. *-е* в область причастий им. п. ж. и ср. р., а также вин. п. Кроме того, в упоминавшемся выше трактате «О множестве и о единстве» содержатся варианты формы с флексией *-и*: «Да нѣщии ненаученыя и глаголют и пишут *алчущи блвщии глаголющи, жаждущи зращи вѣщающии, славащи творачи рекущи*. сию рѣчь превращают на множественую рѣчь»¹⁰.

Причина употребления в «чистом» церковнославянском языке причастий с неисконными для данных позиций флексиями заключалась в явлениях грамматической аналогии. Флексии *-а*, *-и*, будучи наиболее распространенными формантами в именном склонении для позиций им. п. ед. ч. ж. р. и им. п. мн. ч., могли появляться по аналогии с флексиями кратких прилагательных. В системе русского литературного языка XVIII в. именно эти неисконные флексии были закреплены в качестве нормативных показателей для «усеченных» причастий в указанных грамматических позициях: «спяща (ж. р.), спящи (мн. ч.)»¹¹.

В текстах, написанных на «гибридном» церковнославянском языке, у кратких причастий во всех грамматических позициях при существительных в им. п. наблюдался процесс смешения родовых и числовых показателей, носивший фронтальный характер. На это явление указывали рукописные грамматические сочинения XVII в.: «Видѣх бо многих от простоты мужскую рѣчь женскою пишущих, и женскую рѣчь мужскою ...и паки вмѣсто множественныя рѣчь глут единственую рѣчь...»¹².

В этой связи необходимо выявить закономерности употребления форм с исконными и неисконными флексиями при существительных в им. п. в церковнославянском языке позднего периода и установить причины, способствовавшие утверждению в системе русского литературного языка XVIII в. в качестве нормы для «усеченных» причастий действительного залога флексий *-а*, *-и* в указанных позициях.

Не претендуя на исчерпывающие ответы, позволим себе высказать некоторые предположения, основываясь на анализе синтаксических функций причастий. Как известно, кратким причастиям в церковнославянском языке была свойственна полифункциональность. Особого внимания заслуживает характеристика синтаксического поведения кратких действительных и страдательных причастий в форме им. п.

Для кратких действительных причастий в форме им. п. доминирующей была роль «второстепенного» сказуемого. Грамматическая семантика причастия — выражение изменяющегося во времени признака

⁹ Ягич И. В. Рассуждение южнославянской и русской старины о церковнославянском языке. — В кн.: Исследования по русскому языку, т. 1. СПб., 1885—1895, с. 723, 1004.

¹⁰ Ягич И. В. Указ. соч., с. 723.

¹¹ Российская грамматика А. А. Барсова. М., 1981, с. 646.

¹² ГБЛ, ф. 299, № 336, л. 23 об.

имени — осложнялась значением второстепенного действия. При этом краткие причастия церковнославянского языка функционально соотносились с причастными образованиями русского языка, грамматическая семантика которых могла включать выражение сопутствующего или детерминирующего действия. Данная функциональная соотношенность явилась причиной того, что М. Смотрицкий выделил краткие действительные причастия в форме им.п. как особый тип причастий — «деепричастия» действительного залога. На это указывал еще А. Х. Востоков: «Смотрицкий, нашед конечно в общенародном русском языке своего времени сию несклоняемую форму (на *-чи, -ши*), заключил, что она должна быть и в славянском. Он смешал с нею усеченное причастие церковнославянского, которое и внес под заглавием деепричастия в свою грамматику. Деепричастие у него не лишено, как в нынешних грамматиках, родов и чисел, а только не имеет других падежей, кроме именительного»¹³.

Функциональная соотношенность со структурами русского языка, с одной стороны, поддерживала устойчивость церковнославянской традиции, согласно которой эти формы употреблялись в роли «второстепенного» сказуемого, а с другой — мотивировала нарушения их согласования с синтаксическим субъектом, так как в русском языке функционировали неизменяемые причастные образования.

Процесс смешения родовых и числовых показателей у причастий в грамматических позициях при существительных в им.п. являлся характерным признаком текстов на «гибридном» церковнославянском языке по сравнению с текстами на «чистом» церковнославянском, в которых это смешение предстает в виде вкраплений в корректно выдержанную систему изменяемых причастий.

Сочинения на «гибридном» церковнославянском были ориентированы не на особую норму, а на литературную традицию, которая фиксировала определенные наборы значимых для «книжного» языка форм и синтаксических конструкций, например «формы аориста и имперфекта со смешением лиц и чисел... деепричастия на *-ще* и *-ше, -вше*, церковнославянские формы причастий, некоторые синтаксические обороты вроде дательного самостоятельного»¹⁴. В этой ситуации релевантность признака формы (при стирании исконных значений «книжных» форм) и отсутствие структурных эквивалентов в русском языке (цсл. яз. — изменяемые причастия, русск. яз. — неизменяемые причастные образования) приводили, во-первых, к потере «деепричастиями» действительного залога грамматической дифференцированности и, во-вторых, к противопоставлению двух рядов форм как «нейтральных» и «книжных»: на *-а, -чи, -в, -(в)ши* / на *-щи, -ще, -(в)ше*. Ср., в Р. д., «нейтральные» формы в любых ГП при сущ. в им.п.: «...рыцарь палъ на землю *проса* милости» (166); «Тогда Лигоріа нача ее вопрошати *глагола*» (34); «...а король *смотрячи* на неа прилѣжно рекль еи» (253); «...нѣкогда здѣтми *играючи* сего наоучилася еси» (53); «*Оузрѣвши* то лекарь закручинилса» (227); «...она же то *оузнавши* рекла ему» (32); «книжные» формы в любых ГП при сущ. в им.п.: «Тогда нѣкоторой рыцарь мимо *идущи* оузрѣль ю» (261); «*Видѣащи* то панове онаго королевства, хвалили мудрость королевску» (166); «*Видѣвше* то рыцарь лакомый то естъ діаволь приступилъ къ нему *прещающе* его, что бы онъ райскую пищу оставилъ преступленіемъ заповей» (167); «... и та *породивше* та умре» (34); «*Оуслышавше* то

¹³ Востоков А. Х. Рассуждение о славянском языке. — В кн.: Труды Общества любителей Российской словесности, ч. 17. М., 1820, с. 24.

¹⁴ Виноградов В. В. Указ. соч., с. 34.

они также и его ухватили» (196). Материалы, представленные в статье Л. Л. Кутиной, позволяют заключить, что в отношении произведений на «гибридном» («упрощенном») церковнославянском языке, написанных «учеными» книжниками, следует говорить не о вариативном употреблении всех указанных причастий как неизменяемых единиц в роли «второстепенного» сказуемого, а о тенденции к использованию «нейтральных» форм на -'а, -(в)ши при синтаксических субъектах всех трех родов и обоих чисел (продолжавшие использоваться «книжные» формы выступали в исконных для них грамматических позициях).

Нарушения согласования «деепричастий» действительного залога в роде и числе с формой субъекта-подлежащего не свидетельствуют о морфологической кристаллизации категории деепричастий как системы неизменяемых образований, поскольку соотносительность указанных выше единиц не носила характера противопоставленности по определенным грамматическим признакам: «...в истории книжно-славянского языка... этой перестройки категории причастия так и не состоялось»¹⁵.

Однако языковая традиция, представленная в текстах на «гибридном» церковнославянском языке, давала определенную возможность выбора состава единиц для формировавшейся категории деепричастий в русском литературном языке нового типа. Писатели XVIII в., в зависимости от своих общих теоретических установок на организацию нового литературного языка, могли использовать различный инвентарь единиц в функции «второстепенного» сказуемого. Ср.: а) Трд. Езда, проза (формы на -а, -чи, -в, -(в)ши): «Тако *слѣдуя* за Славой прибыль я на берегъ острова Любви» (145); «Между тѣмъ Аминта *смотря* на мою слабость съначала усмѣхивалась, а потомъ за то на меня очюнь разсердилась» (59); «Мы вошли въ сію крѣпость *слѣдуя* за Почтеніемъ въ великой тишинѣ и почитай тайкомъ» (30); «...гуляючи встрѣтился я съ одною дѣвкой» (73); «Ибо она бѣгучи мимо меня слѣдующее кричала громко» (83); «Такъ наконецъ, *обнявъ* его слѣдующее я ему говорилъ весь въ слезахъ» (90); «...а Зефиры тотъ часъ меня *подхвативъ* посадили въ одинъ изъ тѣхъ стружковъ» (10); «Толкъ *подбѣжавши* къ намъ спрашивалъ у насъ чего бы ради мы такъ сооримся» (130); «Сія Честъ и Стыдъ вмѣстѣ *остановивши* тогда Аминту предложили ей на словахъ многія доказательства» (68); б) Трд. Езда, стихи (помимо указанных форм формы на -щи, -ще): «*Отчаиваясь* всегда отъ нихъ любимы быть и *немогуще* начась во свѣтъ безъ нихъ жить; *Препроводивши* многи свои дни въ печали, приходятъ къ тому они; дабы жизнь скончали» (36); «При Сильвіи красной Все мое сердце тогда *горящи* желаньми... кипѣло вздыханьми» (113); в) Лом.¹ оды (формы на -'а, -в, реже -чи, -вши): «Петрополь, небу *подражая*, Подобны испустил лучи» (224); «Сие рекла Елисавета, Геройский свой *являя* вид» (635); «Вы, *ударяючи* во бреги тучны И *проходя* поля свои, Ликуйте светло, веселитесь» (501); «Тебя *прияв*, облобызала» (198); «*Внушив* рыданий наших слух, Верхи Парнаски восстенали» (201).

В литературном языке XVIII — XIX вв. постепенно складывалась система деепричастий, определяющим фактором которой является противопоставление образований несовершенного вида настоящего времени и совершенного вида прошедшего времени. Из указанного выше набора форм в новом русском литературном языке закрепились соот-

¹⁵ Тарковский Р. Б. Старший русский перевод басен Эзопа и переписчики его текста. Л., 1975, с. 69.

ветственно формы на *-’а/-в* в силу немаркированности их структуры, «хотя и до сих пор в качестве второстепенных компонентов в систему входят 1) образования на *-уци* от отдельных глаголов, 2) образования на *а-* от некоторых глаголов сов. вида, 3) образования на *-виши*»¹⁶.

Однако краткие действительные причастия церковнославянского языка в форме им.п. могли употребляться не только в собственно «деепричастной» функции, но и в роли простого и обособленного определения (реже — в составном именном сказуемом). Так как в указанных функциях выступали и краткие прилагательные, то действительные причастия в этих синтаксических позициях, помимо своих исходных флексий в форме ж.р. ед. и мн.ч., могли получать флексии по аналогии с краткими прилагательными. Грамматические сочинения XVII в. свидетельствуют о том, что краткие действительные причастия получали флексии, аналогичные флексиям кратких прилагательных, прежде всего тогда, когда эти формы находились в цепочках однородных членов предложения: «...*стара она, ста она, добродѣтел’на она, трудна она, сице и алчна она, да какож добродѣтел’на она же тако бляща глуща добро творца зраца вѣщающа*»¹⁷. Таким образом, возможное использование форм с неисконными флексиями *-’а, -и* в рамках церковнославянского языка осуществлялось на основе принципа синтаксической позиционной прикрепленности.

В русском литературном языке XVIII в. функции простого и обособленного определения для кратких причастий актуализировались, что связано с особой ролью эпитетов. Эпитеты имели большое значение в системе поэтического языка классицизма (постоянные «объективные» эпитеты), а позже — сентиментализма (индивидуализирующие «субъективные» эпитеты). Полные и краткие причастия, являясь активизирующими эпитетами, выражали качество объекта как действенное свойство.

Процесс разграничения синтаксических функций привел в новом русском литературном языке к отчетливому различению деепричастий и «усеченных» причастий: формы типа *идя, идущи, идуще, идущи / вставѣ, вставши, вставше* воспринимались как варианты единицы складывавшейся системы деепричастий, а формы типа *идуцѣ, идуща, идуще, идущи; вставша, вставше, вставши* (с флексиями, аналогичными флексиям прилагательных) закрепились как формы им.п. «усеченных» причастий. Ср. у В. К. Триадицкого в «Тилемахиде»:

деепричастия 1) «Ся слова <i>говора</i> проливаль онъ слезны потоки» (173); 2) «Какъ исчезаетъ тьма, отъ-денницы багряними персты Востока врата <i>отверзающи</i> и <i>проливающи</i> свѣтлость» (527); «Празна уже Колесница сама свой бѣгъ направляла, <i>Даруя</i> дни же-инощи Земнымъ и время перемѣны» (48); 3) «Но Калипса <i>узрѣвши</i> тотчасъ, что-вкушать невозмог онъ... Нимфамъ тайный знакъ подала къ премѣненію Пѣсей» (12); 4) «Мужи маститыхъ лѣтъ, <i>воздѣвая</i> руки на небо Всѣ вопіяли» (55).	«усеченные» причастия «Сей пороки, <i>влекущѣ</i> за собой Другихъ неенчтность, Препохваляется... всѣми» (697); «Зрилась богиня сѣя, <i>собирающа</i> многи народы» (526); «Но съ другія страны Паллада зрилась, <i>дававши</i> Жителямъ новаго Града, вѣтвь Масличну купно съ Елейкомъ» (524); «Сладости всѣ, <i>окружающи</i> ихъ, суть имъ же прелестны» (587).

¹⁶ Кузьмина И. Б., Немченко Е. В. История причастий. — В кн.: Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол. М., 1982, с. 346.

¹⁷ Ягич И. В. Указ. соч., с. 723.

Для кратких страдательных причастий в форме им. п. доминирующей была предикативная функция. Страдательные причастия церковнославянского языка, формировавшие пассивную конструкцию, функционально соотносились с несклоняемыми страдательными причастиями русского языка. Данная соотносительность явилась причиной выделения М. Смотрицким «деепричастий» страдательного залога наряду с «деепричастиями» действительного залога. Краткие страдательные причастия употреблялись также в роли простого и обособленного определения. Выступая в указанных функциях, причастия прошедшего времени имели два варианта суффиксов: *-ни*, *-н*. Причем в сочинениях на «гибридном» церковнославянском причастия с суф. *-ни* противопоставлялись в предикативной функции причастиям с суф. *-н* как «книжные» формы «нейтральными», например, в Р.п.: «... и от того, которому *повеленно* мена оубить разбойницы. морстии отнели...» (42)/ «азъ бо есмь *продана* господарю» (52).

В системе нового литературного языка размежевание синтаксических функций привело к различению несклоняемых («кратких») и склоняемых («усеченных») страдательных причастий¹⁸. «Усеченные» причастия прошедшего времени выступали в роли простого и обособленного определения в двух суффиксальных вариантах, однако вариант с суф. *-ни* был предпочтителен. В предикативной функции краткие причастия, дифференцируясь по характеру словообразовательного форманта, сознательно избирались писателями XVIII в. Ср.: а) Трд. Езда, проза: «Оныя стружки всь были *украшены* благовонными цвѣтами» (8); «Сіе мѣсто со всѣхъ сторонѣ *окружено* многими горами» (49); б) Трд. Езда, стихи: «Всѣ тамо дома *украшены* цвѣты» (17); «Всѣ суть *изгнанны оттуду* пороки» (17); в) Трд. Тил.: «Твердо ль они весьма *заключены* запорами были» (227); «Та *окруженна* была Нимфѣ юныхъ множествомъ стройнымъ (6); г) Лом. оды: «Чемъ наша жизнь *обновлена*, *Вовращено* Петрово время» (632); «Она Героями *рожденна*, Геройский духъ известенъ в ней» (564).

Доказательством того, что забвения парадигматики и функций кратких причастий церковнославянского языка в XVIII в. не произошло, является использование «усеченных» действительных и страдательных причастий в роли простого и обособленного определения в *косвенных падежах*, а также действительных причастий в обороте «*дательный самостоятельный*». Ср.: а) простое определение: «И шумъ в полкахъ со всехъ сторонъ *звучащу* славу заглушаетъ» (Лом. оды, 202); «Свѣтъ туды *незаходитъ* чрезъ вѣтви *сплетены*» (Трд. Езда, стихи, 72); «Возри на храмы *опаленны*, Возри на стены *разрушенны*» (Лом. оды, 224); б) обособленное определение: «Воду, *бѣгущу* отъ нихъ преслѣдуютъ да напіются» (Трд. Тил., 597); «Я всегда содрагаюсь, Коль о Несчастіяхъ и Злоключеніяхъ ни помышляю Рода сего, *произшедша* отъ Тантала пренечестива» (Трд. Тил., 601); «Сверхъ-же того, предаются они Оболгателямъ вполнѣ Подлому Роду и Злому, всегда *рыгающе* ядомъ, Все *отравляюще*, что беспорочно и есть неповинно» (Трд. Тил., 753); «Сквозь все препятства онъ вознес Главу, победами *венчанну*, Россію, грубостью *попранну*, С собой возвысилъ до небесъ» (Лом. оды, 200); в) «дательный самостоятельный»: «Ментору такъ разсуждавшу въ пылге то съ Тилемахомъ, Се усмотрели они тогда Корабль Фесалійскій» (Трд. Тил., 789).

¹⁸ В грамматиках XVIII в. дифференциация выражалась в разном содержании термина. «усеченные» формы — несклоняемые (М. В. Ломоносов), «усеченные» формы — склоняемые (А. А. Барсов). В XIX в. формы различались терминологически: «спрягаемые» / «усеченные» (А. Х. Востоков).

Из сказанного выше следует, что «усеченные» причастия по своим функциям совпадали с «усеченными» причастиями церковнославянского языка. Кроме того, анализ синтаксических функций позволил выявить причины употребления кратких действительных причастий церковнославянского языка с исконными и неисконными флексиями и проследить их судьбу в новом литературном языке, а также установить функциональный принцип дифференциации «кратких» и «усеченных» страдательных причастий.

Последнее замечание Г. О. Винокура касается ударения в «усеченных» формах. Он утверждал, что данные формы «не подчиняются общим законам ударения, действующим в пределах нечленных форм... например у Тредиаковского: „Да здравствует днесь императрикс Анна, на престол седша увенчанна“ вместо „увенчана“» (В., 129, 348).

Однако для того чтобы объяснить особенности ударения в «усеченных» прилагательных и причастиях, следует вновь обратиться к тексту «Нового и краткого способа...» В. К. Тредиаковского. Цитируя отрывок, относящийся к «сокращенным прилагательным», Г. О. Винокур не привел всего контекста. Возможно, именно поэтому замечание В. К. Тредиаковского об этих формах прозвучало *глухо* и *между прочим*. Глава о «поэтических вольностях» в трактате В. К. Тредиаковского разделена на 14 параграфов по тематике: § 9 — лексика, § 1—3, 5—8, 10 — морфология, § 13 — синтаксис, § 11 — ударение. Отрывок о «сокращенных прилагательных» находится как раз в параграфе, в котором речь идет об ударении: «Сверх сего; слова, которыя двойное, и часто сомнѣнное имѣють удареніе просодіи, могутъ положиться въ Стихѣ двояко; на примѣръ: цвѣты и цвѣты. Однако, въ семь случаѣ, больше надобно держаться общаго употребленія. Впрочемъ, не для чего, кажется упоминать о прилагательныхъ сокращенныхъ, которыя понеже и въ прозѣ часто употребляются, то въ Стихахъ могутъ употреблены быть, ежели надобно будетъ и чаще»¹⁹. В. К. Тредиаковский констатировал здесь не только сам факт употребления «сокращенных» («усеченных») форм, но и «неправильное» ударение, на которое указывал Г. О. Винокур.

«Неполные» страдательные причастия, как и прилагательные, могли иметь «двойное» ударение, при этом акцентная оппозиция была связана с общей оппозицией церковнославянского/русского. Например, у страдательных причастий прошедшего времени от глаголов на *-ать* с тематическим ударением в инфинитиве ударение могло быть либо на том же слоге, что и в инфинитиве (*вѣнчанъ*), либо сдвинутое влево (*вѣнчанѣ*). Первый акцентный тип был связан с произносительными нормами церковнославянского языка и реализовался прежде всего в «усеченных» формах, выступавших в атрибутивной и полупредикативной функциях. Следует учитывать также, что книжные по происхождению образования типа *вѣнчанъ* имели в XVIII в. преимущественно первую акцентную модель и в предикативной функции.

Таким образом, можно заключить, что система кратких причастий церковнославянского языка, заимствованная наряду с системой полных причастий, при взаимодействии с причастными образованиями русского языка получила особое развитие в рамках формировавшегося единого русского национального литературного языка (см. табл.).

Представляется важным остановиться кратко на причинах широкого распространения «усеченных» причастий в сочинениях XVIII в.

¹⁹ Тредиаковский В. К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего подлежащих званий. Спб., 1735, с. 18—19.

полные причастия	на <i>-ущ, -ащ; -вш, -ш; -м; -нн/-н, -т</i>
краткие причастия	
а) «усеченные» причастия (склоняемые)	на <i>-ущ, -ащ; -вш, -ш; -м; -н (н)</i>
б) «краткие» причастия (несклоняемые)	на <i>-м; -нн/-н, -т</i>
в) деепричастия (неизменяемые)	на <i>(-щ)и, (-щ)е, (-в)ше; -а, -в/-чи, (-в)ши</i>

Главной причиной употребления «усеченных» прилагательных и причастий в русском литературном языке XVIII в. Г. О. Винокур считал важность их как «версификационных вариантов» полных форм, так как они отличались лишь тем, «что были на слог короче и потому были выгодны в ритмическом хозяйстве стихотворца» (В., 83). Однако сам Г. О. Винокур отмечал, что «соответствующие формы встречаются иногда и в прозе, особенно торжественной (они есть еще в «Путешествии» Радищева)» (В., 129). Вероятно, роль «усеченных» прилагательных и причастий была более сложной и зависела от общего характера эволюции нового русского литературного языка. Подтверждение этому мы находим в теоретических программах и языковой практике писателей XVIII в., а также в грамматических сочинениях рассматриваемого времени.

Так, В. К. Третьяковский в первый период своей деятельности, стремясь писать «самым простым русским словом», употреблял «усеченные» причастия только в стихотворных произведениях разных жанров (в частности, в стихах «Езды в остров любви»). Данные формы рассматривались им не как собственно «славянизмы», а как «поэтизмы», дававшие возможность формально дифференцировать язык поэзии и язык прозы в рамках нового литературного языка. В качестве «поэтической вольности» «усеченные» формы были представлены и в трактате о сложении русских стихов А. Д. Кантемира: «Вся сокращения рѣчей, которые Славенской языкъ узаконяеть можно по нуждѣ смѣло принять въ стихахъ Рускихъ»²⁰.

В конце 40-х годов В. К. Третьяковский пришел к убеждению, что использование ресурсов церковнославянского языка не должно ограничиваться сферой языка поэзии. Новая теоретическая программа, отражавшая изменение общей тенденции в развитии русского литературного языка, содержала положения о субстанциональной общности русского и церковнославянского языков и о возможности синтеза элементов этих систем в едином полифункциональном литературном языке. Употребление «усеченных» причастий и деепричастий на *-щ)и, -щ)е, (-в)ше* не только в поэтических («Тилемахида»), но и в прозаических («История римских императоров») произведениях В. К. Третьяковского 50—60-х годов объясняется тем, что эти формы как «морфологические славянизмы» могли принадлежать системе «славенороссийского» языка, для которого «вся мера есть славенский». Вслед за В. К. Третьяковским анализируемые формы допускали в прозе Д. И. Фонвизин и А. Н. Радищев.

Сложнее определить отношение М. В. Ломоносова к «усеченным» причастиям. Считая церковнославянский язык источником обогащения русского литературного языка, М. В. Ломоносов широко вводил в «высокий род стихов» «усеченные» действительные и страдательные причастия. Однако в «Российской грамматике» в качестве «усеченных»

²⁰ Кантемир А. Д. Письмо Харитона Макентина к приятелю о сложении стихов русских. — В кн.: Квинта Горация Флакка десять писем первой книги. Спб., 1744, с. 22.

форм даны только несклоняемые страдательные причастия на *-м, -н, -т*: «Страдательные причастия терпят усечение: *питаемъ, знаемъ, питаемъ*. Действительные и им подобные того не терпят: *питающъ, питавшъ, слуху досадны*»²¹. Исключение касалось «дательного падежа причастий», который мог использоваться в обороте «дательный самостоятельный».

А. А. Барсов в отношении к церковнославянскому языку продолжал линию М. В. Ломоносова. Тем не менее его «Российская грамматика» иногда расходилась с ломоносовской, что отразилось и в характеристике «усеченных» форм, которые были представлены как склоняемые действительные и страдательные причастия.

В конце XVIII в. «усеченные» формы являлись принадлежностью всех жанров поэзии «карамзинистов». В ситуации, когда «простота и естественность» были первым условием «всех родов сочинения», «усечение» прилагательных и причастий могло рассматриваться только как прием стихосложения: «Стихотворецъ можетъ сокращать слова, посредствомъ нѣкоторой перемѣны. Такимъ образомъ онъ можетъ сказать вмѣсто *чистый, чистъ*, вмѣсто *вознесенный, взнесенный* или *взнесенъ...*»²².

Представленные в статье наблюдения показывают, что данная тема требует дальнейшего изучения с учетом материалов позднего церковнославянского языка и русского литературного языка XVIII — XIX вв.

Список принятых сокращений

- Лом. оды — Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 8. М.—Л., 1952;
Р. д. — Римские деяния, вып. 1—2. Спб., 1877—1878;
Р. с. п. — Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970;
Трд. Езда — Тальман П. Езда в остров любви. Перев. с фр. на руской. Чрез студента В. Тредиаковского Спб., 1730;
Трд. Тил. — Тилемахида или Странствование Тилемаха сына Одиссеева. — В кн.: Сочинения Тредиаковского, т. 2. Изд. А. Смирдина. Спб., 1849.

²¹ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч., т. 7. М.—Л., 1952, с. 549.

²² Подшивалов В. С. Краткая русская просодия, или Правила, как писать русские стихи. М., 1798, с. 54.

Поступила в редакцию
25.05.84